

В. Ю. ШАТИН

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
vl.shatin@gmail.com

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОСТРОМСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. И ИХ ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА

В статье рассматриваются особенности фонетики костромских говоров начала XVII в., а также проводится их сравнение с современной ситуацией на территории треугольника Кострома — Солигалич — Кологрив. Основным материалом исследования является костромская отказная книга 1619–1634 гг., для сравнения берутся главным образом данные, представленные в ДАРЯ. Севернорусские костромские говоры, как оказалось, в своем развитии претерпели целый ряд модификаций: изменились рефлексy фонемы <ê> перед мягкими согласными, в районе Чухомы появился обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, гораздо более регулярным стало совпадение в безударных слогах после мягких согласных гласных неверхнего подъема в звуке [e] (независимо от качества последующего согласного), распространилось прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных, реликтовy мягкие реализации шипящих <ш> и <ж> практически исчезли, полностью утратились также реликтовy мягкие реализации фонемы <ц>.

Ключевые слова: русская деловая письменность XVII в., историческая диалектология, историческая фонетика русского языка, костромские говоры, севернорусские говоры.

Русская историческая лингвистическая география применительно к диалектам исконной территории распространения русского языка разработана уже достаточно хорошо. Реконструированы фонетические особенности говоров XVI — первой половины XVII в.: белозерско-бежецких [Бегунц 2006], вологодских [Копосов 1971], ладого-тихвинских [Галинская 1985], московского [Горшкова 1947; Васеко 1973], холмогорского и шенкурского [Лопухина 2011], ряда южных (верхне-деснинских, елецких, оскольских, курско-орловских [Котков 1963; Хабургаев 1966; 1967]) и др. В ряде случаев прослежено также их развитие до современного состояния. Однако применительно к XVI — первой половине XVII в. остались еще некоторые необследованные диалектные территории. В частности, до сих пор не были реконструированы костромские говоры этого периода.

В настоящей статье будут рассмотрены особенности фонетики костромских говоров начала XVII в., при дальнейшем сравнении которых с современной ситуацией на территории треугольника Кострома — Солигалич —

Кологрив можно будет определить, что в их системе на протяжении трех с небольшим веков осталось неизменным, а где обнаруживаются инновации.

Основным материалом исследования послужила костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, 1315 лл.), сравнение проводилось главным образом с данными, представленными в [ДАРЯ 1]. Материалы для ДАРЯ собирались в середине и второй трети XX в., но мы будем условно называть говоры, отраженные в атласе, современными.

1. Ударный вокализм

Фонема <ê> в ударной позиции в рассматриваемых говорах к XVII в. уже исчезла.

В позиции перед твердыми согласными было, по всей видимости, представлено преимущественно *e*-образное звучание, которое писцы чаще передавали буквой *е* (примеры не приводятся ввиду их стандартности). Число прямых замен на *и* крайне незначительно (приблизительно в тридцать раз меньше, чем замен на *е*, почти все примеры можно трактовать и как сохранение мягкого варианта склонения), обратных замен *и* на *ѣ* не наблюдается вовсе. Соотношение этимологически правильных употреблений буквы *ѣ* и замен составляет в данной позиции приблизительно 2:1.

Для позиции перед мягким согласным примеров этимологически верно употребления буквы *ѣ* приблизительно в полтора раза больше, чем для позиции перед твердым, однако наряду с заменами *ѣ* на *е* было обнаружено значительное число прямых замен *ѣ* на *и* (*дѣти* 589; *мире* loc. sg. 35; *миря*^л 32, 34 об.; *одиле* loc. sg. 27; *о^мдиле* loc. sg. 35, 85, 460 об. 2х; *о^мди^л-ные* асс. pl. 86, 590; *ри^чке* loc. sg. 493, 650; *ричьке* loc. sg. 85 об., 88, 88 об.; *ро³ди^лны^м* dat. pl. 870 2х; *умие^м* 744 об. и др.). Соотношение количества прямых замен *ѣ* на *и* с количеством прямых замен *ѣ* на *е* в этой позиции составляет примерно 2:1. Единичные обратные замены *и* на *ѣ*, количество которых крайне невелико (*секѣрина* gen. sg. 75; *секѣрине* loc. sg. 74, 74 об.), обнаруживаются только в данной позиции. Можно, таким образом, предполагать реализацию фонемы <ê> в позиции перед мягкими либо в [йе], либо в [и].

Что касается ситуации в современных говорах на рассматриваемой территории — картина очень пестрая. Перед твердыми согласными, кроме преобладающего стандартного [е], отдельными островами представлены: шире всего [ê] (в том числе в единичных случаях), на равных (но на разных территориях) представлены [и] и [йе] (обе реализации в том числе и в единичных случаях). Перед мягкими согласными севернее Волги почти всюду в сосуществовании с [е] начинает преобладать [и], лишь в отдельных случаях обнаруживается также [ê]. Имеются, как видим, реализации, схожие с предполагаемыми для говоров первой половины XVII в., однако в позиции перед мягкими согласными преобладает [е], зачастую сосуществуя с [и],

тогда как [йе] отсутствует [ДАРЯ 1: 40, 41]. Можно, таким образом, сделать вывод, что в костромских говорах произошла унификация рефлексов старого *ê* в сторону преобладания [е].

Переход [е] в [о] в исследуемых говорах к XVII в. осуществился последовательно: как фонетический в корнях (*ольфо^рко* ном. sg. 484 об.; *поперо^с* 417 об.; *поперо^к* 107 2х; *по^трь* 450 об.; *семона* gen. sg. 38, 852 и др.) и аффиксах (*кара\со^всково* 63 об. — 64; *ковалова* gen. sg. 116 об., 117; *но^м* loc. sg. 642 об. и др.), так и аналогический (который можно объяснить и морфологически, заменой «мягкого» морфа на «твердый») перед мягкими согласными (*кавалове* loc. sg. 117 об.; *ме^ншое* ном. sg. 141, 146 об., 921 об., 948; *ме^ншою* instr. sg. 740 об.; *чижове* loc. sg. 317; *ястре^пцове* loc. sg. 620, 621 и др.) и в позиции конца слова (*се^лцо* 202, 384, 642 и др.). Подобное состояние без каких-либо существенных изменений отражено и на диалектных картах, фиксирующих состояние костромских говоров в XX в. [Там же: 38].

Изменение [а] в [е] между мягкими согласными в исследованной рукописи представлено лишь немногочисленными и спорными примерами. Среди них, впрочем, имеются как прямые (*кне^з о^ндре^ввича* gen. sg. 856 об.; *мишенино* ном. sg. 642; *про^звище заме^тка* ном. sg. 647; *ф не^т че^ти^и* 154 2х и др.), так и позволяющие предполагать гиперкоррекцию (*клемя^нтие^в* 624 об.; *клемя^нтье^в* 948). Данное явление, как кажется, вряд ли было систематически характерно для рассматриваемых говоров в первой половине XVII в. Отметим, что на карте [Там же: 43] основной его ареал расположен севернее, в центральном же массиве костромских говоров сколь-либо последовательно в XX в. оно не представлено.

2. Безударный вокализм

В позиции после твердых согласных в первой половине XVII в. во всех слогах относительно ударения было представлено полное оканье. Имеются характерные для носителей окающих говоров написания ряда лексем и приставки *роз-* (*кропи^вка* ном. sg. 136; *кропи^вниц^ь* loc. sg. 30; *поро^сли* 44; *поросло* 161, 260, 416 об., 418; *ро^здели^л* 21, 52, 90 об.; *ро^з-дериши^и* ном. sg. 47; *ро^з-деришина* gen. sg. 297 об.; *ро^ззде* 455 и др.).

В современных костромских говорах полное оканье также присутствует, однако в районе Солигалича и Чухломы находится обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, появившийся там в 20-х гг. XVII в. [Грехова 1964: 502]. Кроме того, ближе к Костроме растет число примеров, в которых на месте <а> во втором предударном слоге представлен [ъ] либо [ы], а в единичных случаях даже [о] (переход от полного к неполному оканью) [ДАРЯ 1: 1, 9, 16–18].

В первой половине XVII в. в рассматриваемых говорах в безударных слогах во всех позициях после мягких согласных широко пред-

ставлены мены в паре букв **е** — **ѣ**, мены же в паре **и** — **ѣ**, если исключить ономастику, единичны, что явно свидетельствует об утрате фонемы <ѣ> в безударном положении и ее совпадении с фонемой <е>.

Что касается ёканья в безударных слогах, обнаруживается оно по большей части лишь в элементах, которые могли легко заимствоваться в той своей разновидности, которая следовала за твердым согласным (*бе³сту-ж^оѣ* nom. sg. 726 об.; *моро³цова* gen. sg. 306 об. и др.). Однако два примера позволяют предполагать ёканье в безударных слогах в корне: *зомьско^и* nom. sg. 121–121 об. (а. п. с, минусовая маркировка суффикса [Зализняк 2014: 34, 595]), *озо^рские* gen. sg. 599 (старая а. п. с [Там же: 446]). Регулярным это явление, однако, считать нельзя, так как число примеров крайне ограничено, количество стандартных написаний с **е** превосходит их многократно.

В первом предударном слоге гласные неверхнего подъема различались в позиции перед твердыми согласными и совпадали в [е] в позиции перед мягкими согласными, о чем свидетельствуют следующие примеры: *десети^и* gen. pl. 34 об., 59 об. 2х, 88 об., 344; *еки^ико* nom. sg. 92 об., 139, 140 об.; *мекиница* nom. sg. 848 об.; *свеще^ини^к* nom. sg. 726 об., 909 об. 2х; *трицети* dat. sg. 682 об.; *ѣки^и* nom. sg. 158 об. и др.

Возможны были также и окказиональные реализации фонемы <е> как [’а], причем как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Впрочем, некоторые из имеющихся примеров небесспорны: *емяляно^ѣ* (возможна описка под влиянием буквы следующего гласного) 152; *имяно^и* dat. pl. (можно предполагать влияние формы *имя* nom. sg.) 358, 488 об., 639 об.; *пясочне* loc. sg. (ср. *песо^чне* loc. sg. 898 об., микротопоним) 798, 898–898 об. и др.

Надо сказать, что подобные реализации (на месте этимологического *ѣ как перед твердым, так и перед мягким согласным) в костромских говорах фиксируются и в XX в. [ДАРЯ 1: 5].

Для второго и прочих предударных слогов данных в исследованной рукописи крайне мало.

Для заударных слогов следует предполагать совпадение гласных неверхнего подъема в [е] перед мягкими согласными, в особенности в конечном закрытом слоге (*деве^и* 398, 469, 718, 935; *десе^и* 101, 290, 344, 657, 728, 842, 947; *наме^и* 376 об.; *тридесе^и* nom. sg. 768 об. 2х и др.), при их различении в остальных заударных позициях. В конечном открытом заударном слоге были возможны также реализации <е> как [’а] (*дияконица* nom. sg. 798; *кр^стьяня* nom. pl. 761; *петрица* nom. sg. 799; *помть^стя* асс. sg. 746 об.; *пригожа* adv. 43 об.; *четыря* 40, 702, 874 и др.).

Итак, в первой половине XVII в. безударный вокализм костромских говоров зависел от последующего согласного: перед мягким нередким было совпадение гласных неверхнего подъема в [е], гораздо менее последовательное в остальных позициях.

В XX в. на рассматриваемой территории совпадение гласных неверхнего подъема после мягких согласных в [е] стало гораздо более регулярным и

перестало зависеть от качества последующего согласного: оно представлено не только перед мягкими согласными, но и перед твердыми (что является безусловной инновацией) [Образование... 1970: 299].

3. Консонантизм

Для фонемы <в> в первой половине XVII в. регулярной была реализация в слабой позиции как [ф] (перед глухими согласными: *виту^фтову* dat. sg. 682 об.; *фторово* ass. sg. 20 об., 21; *фторо^у* 776 об.; *ф поле* 28 об. 2х, 29 об. 2х; *ф пя^тдеся^т* 30 об.; *ф че^т* 786 об.; *яко^вле^фскова* gen. sg. 353 об., — или же на конце слова: *семено^ф* 280; *третьако^ф* 489 об. и др.). Перед [т] и [п] в середине слова была возможна также реализация посредством [х] (*вито^хтова* gen. sg. 299–299 об.; *виту^хтова* gen. sg. 815; *х поле* loc. sg. 804, 805). Каких-либо следов реализации данной фонемы посредством звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w] обнаружено не было.

В современных костромских говорах реализации фонемы <в> посредством лабиовелярного аппроксиманта [w] в слабой позиции остаются опциональными и периферийными [Там же: 302–304]. В целом позиционные реализации фонемы <в> в говорах на рассматриваемой территории остались такими же, как и в первой половине XVII в.

Предлог *ув* в костромских говорах в первой половине XVII в. если и был представлен, то — вследствие своей связи с реализациями <в> посредством [w], следов которых обнаружено не было, — чрезвычайно непоследовательно, имеется лишь один пример (*ув усадище* loc. sg. 93 об.).

Надо сказать, что предлог *ув*, хотя и не распространенный сейчас в северных областях западной диалектной зоны, свободно отражается в памятниках деловой новгородской, псковской и тихвинской письменности, а значит, на территориях, с которых данные памятники происходят, в конце XVI — первой половине XVII в. он точно присутствовал [Галинская 2002: 218]. Однако наличие в костромской отказной книге лишь одного примера свидетельствует о практически полном отсутствии предлога *ув* в костромских говорах начала XVII в.

В XX в. это явление, по данным карты [ДАРЯ 1: 59], в костромских говорах не было зафиксировано, что свидетельствует о его нехарактерности для рассматриваемого массива говоров.

Как протетическое, так и энпентетическое [в] представлены среди обнаруженных примеров: энпентеза, впрочем, обнаруживается лишь в именах собственных (*клевопи^н* 782; *лариво^н* 459, 706, 870; *левани^д* 377 об.; *навумо^в* nom. sg. 867; *тиву^нцово* 944 и др.), протеза же максимальное развитие получала в лексемах *восемь* и *вотчина*, в которых данный процесс проходил по всем говорам последовательно. Окаzionaliальные ее примеры имеются также и в следующих корнях: *воко^лшино^у* loc. sg. 104 об.; *во^нчеи* nom. sg. 131 2х; *вопчие* gen. sg. 106; *вострое* 412 и др.

В современных костромских говорах протеза вне лексем *восемь* и *вотчина* и эпентеза представлены лишь крайне небольшими ареалами, преобладает отсутствие этого явления [ДАРЯ 1: 60].

В рассматриваемых говорах, по всей видимости (как и в говорах центра), еще до начала XVII в. сформировались соотносительные пары фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>. Однако в исследованной отказной книге на месте фонемы <ф> присутствует и небольшое число замен и нестандартных написаний (по большей части в ономастике), которые, вероятно, отражают еще некоторую неустойчивость отношений.

Замены **ф** на **х**: *ону^хрей* 448; *стахи^u* 927; *стахъ^u* ном. sg. 927; *стахъико* ном. sg. 662 об.

Замены **х** на **ф** гиперкорректного характера: *а^uфилофе^u* 48 об.; *евтифьев^u* 163 об.; *евтифъико* ном. sg. 871 об.; *(еу)тифъ^u* ном. sg. 297 об.; *малафе^u* 699 об.; *малафие^в* ном. sg. 930 об.

Замены **ф** на **кф**: *поⁿкфедоръ* ном. sg. 407 об.

Замены **ф** на **в**: *вила^mко^m* instr. sg. 412; *ма^mве^u* 850; *ма^mвие^в* 627; *матвиевъ* 944; *с ви^lкою* так в ркп. «Филькою» 823 об.

Замены **ф** на **вф**: *тимо^вфе^u* 850 об.

В современных костромских говорах корреляция губно-зубных крайне стабильна и практически не знает исключений [Образование... 1970: 302–304].

Фонема <г> в рассматриваемых говорах в первой половине XVII в. последовательно реализовалась посредством [г], о чем свидетельствуют написания типа *попере^к* 26, 29 об. 2х, 30, 708 об. и др. (ср. исконное *попере²* 584 и др. [Фасмер III: 327]), отражающие оглушение звонкого заднеязычного в глухой взрывной звук. Можно, однако, предположить присутствие элементов церковной (книжной) орфоэпии, а также окказиональные (возможно, инодиалектные) фрикативные реализации. Замены обнаруживаются как прямые: *кныхо^m* dat. pl. 107 об.; *ту^pхенева* gen. sg. 313, — так и обратные: *паганые* gen. sg. (так в ркп. «паханые») 585 об. 2х; *пригожаⁿ* gen. pl. 718.

В современных костромских говорах, как и во всем массиве средне- и севернорусских говоров, представлена последовательная реализация фонемы <г> посредством [г]. Отдельные островки фрикативных реализаций (всегда в сосуществовании со взрывными) разбросаны по всему русскому северу, однако увидеть здесь какую-либо связь с инодиалектными особенностями (например, с чухломским акающим островом) не представляется возможным [ДАРЯ 1: 44]. Именно подобные окказиональные фрикативные реализации и могли найти отражение в исследованной рукописи.

Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в говорах, отраженных в отказной книге, вряд ли присутствовало, так как не встретилось ни одного написания, позволяющего предполагать его наличие, хотя это явление свободно отражается, например, в южнорусских текстах XVII в. [Котков 1963: 125–126].

Таким образом, прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных появилось на рассматриваемой территории после XVII в.

Твердость глухого коррелята отражена написаниями *нищы*^х gen. pl. 135; *помтыцыко*^в nom. sg. 323 об.; *прика*^з*цы*^к 267 х3, 267 об., 321 2х; *прика*^з*цы*^к*ы* instr. pl. 325; *роцы* gen. sg. 322, 324. О твердости либо мягкости звонкого согласного данных в рукописи нет, однако, учитывая общие тенденции развития в рассматриваемой паре, можно предполагать и его отверждение [Аванесов 1949: 127].

В современных говорах представлены именно долгие, а не сложные шипящие согласные (кластеры). При этом твердая реализация для обоих анализируемых звуков весьма последовательна. Доля же мягких реализаций (как для глухого, так и для звонкого долгого шипящего) растет лишь при приближении к западной периферии костромских говоров [ДАРЯ 1: 48, 52].

Реализации фонемы <ц> в рассматриваемых говорах в первой половине XVII в. были, вероятно, также реликтивно мягкими, о чем может свидетельствовать целый ряд обнаруженных примеров (*два^mця^m* 475 об.; *дваця^m* 947–947 об., 948; *осмнаця^m* 948 об.; *пя^mнаця^m* 478; *пятнаця^m* 947 об.; *се^mнаця^m* 476 об.; *триця^m* 948–948 об. и др.). Предположение это поддерживается также и достаточным количеством написаний с сочетанием **ци**, которые, впрочем, были традиционны для церковной письменности, что могло каким-то образом повлиять и на деловую письменность. Многочисленные написания с сочетанием **цы**, опять же в силу их традиционности, на сей раз в письменности деловой, решающего значения, судя по всему, иметь не могут, см. [Бегунц 2006: 176–178].

В современных говорах на интересующей нас территории представлена лишь последовательная реализация фонемы <ц> в виде твердого [ц] [ДАРЯ 1: 46].

Фонема <ч> в первой половине XVII в. в костромских говорах, отраженных в отказной книге, реализовалась в виде [ч']. Примеров с сочетанием **чы**, которые свидетельствовали бы о твердом [ч], обнаружено не было, однако встретилось множество написаний с сочетаниями **чю** и **чя**, которые указывают на произношение [ч']: *васи^левичя* gen. sg. 27, 28; *дачу* 106, 400 об., 403, 443 об., 444, 477, 611 об., 612 об., 613 об., 640, 789 об.; *додачу* асс. sg. 30 об.; *зачя^mцко^u* nom. sg. 672; *ключярева* gen. sg. 160 об., 177, 303; *пичюже* loc. sg. 615 об., 616, 621 об.; *федоровичю* 449 об., 451; *чюдо* nom. sg. 491 об. и др.

Сейчас на рассматриваемой территории преобладает реализация [ч'] [Там же: 45], и лишь на северо-востоке с различной регулярностью обнаруживается мягкое цоканье [Там же: 45, 46], а отдельными вкраплениями, но крайне рассеянно, присутствует и мягкая шепелявая реализация [ч'^ш], и твердая [ч], однако доля их весьма незначительна [Там же: 45].

Непозиционная мена твердых и мягких согласных в первой половине XVII в., судя по обнаруженным примерам, могла быть представлена в костромских говорах. Ряд написаний позволяет предполагать отверждение губных в середине фонетического слова: *вадени^xта* gen. sg. 431 об.; *деваносту* 37 об.; *дева^mко* nom. sg. 805 об.; *па^m* (так в ркп. «пять») 805 2х, 806; *па^mнацетъ* 318 об. и др. Имеется также и достаточное число примеров, за которыми можно было бы усмотреть отверждение зубных согласных: *а^вны^x* 806; *вороныно* nom. sg. 585 об.; *всакие* nom. pl. 405; *дере^вну* асс. sg. (у исправлено на **ю**) 157 об.; *зате^m* instr. sg. 663 об.; *зате^m* instr. sg. 258 об.; *князу* 432; *понатые* nom. pl. 683 об.; *че^mверта^m* dat. pl. 37 об. и др. Под-

черкнем, что примеров, позволивших бы предположить отсутствие мягких губных согласных на конце слова нами найдено не было.

Сейчас на рассматриваемой территории обнаруживается лишь несколько островных ареалов, где полумягкие и твердые согласные в соответствии с парными мягкими представлены в форманте инфинитива и на конце склоняемого слова [Там же: 65]. Создается впечатление, что ареал, некогда растягивавшийся от территорий между Вологодой и Тотьмой и до обширных ареалов за Ветлугой и в ее верховьях, где полумягкость и твердость в указанной позиции представлены гораздо шире, оказался разорван.

В хрестоматии «Русские народные говоры: звучащая хрестоматия. Севернорусские говоры» [Касаткина 1991] в тексте № 29, записанном в Межевском районе к востоку от Кологрива за рекой Унжей (другие тексты в данном издании относятся к еще более дальней периферии исследуемых говоров, а потому их вряд ли можно считать хотя бы приблизительно отражающими ситуацию в треугольнике Кострома — Солигалич — Кологрив), непозиционная мена твердых и мягких согласных отражения не находит [Там же: 29].

Непозиционная мена глухих и звонких согласных, если судить по примерам, отраженным в отказной книге, могла быть свойственна костромским говорам XVII в., так как число примеров, некоторые из которых достаточно нестандартны, относительно велико:

[п] — [б]: *полота* gen. sg. («болота») 347 об. и др.

[ф] — [в]: *а ъ дфу* (так в ркп. «а в дву») 37 об.

[т] — [д]: *те^хтяРка* nom. sg. (название пустоши «Дегтярка», ср. *де^хтяРка* nom. sg. 698, 915 об.) 704 об. и др.

[с] — [з]: *солотухины^М* instr. sg. («Золотухиным») 44 об. и др.

[к] — [г]: *говезины^М* instr. sg. (г исправлено на к) 60 об.; *уко^де* nom. sg. (к исправлено на г, «угодь») 297 и др.

Данная особенность в ДАРЯ не картографирована, не находит она отражения и в звучащей хрестоматии [Там же: 29].

Таким образом, можно заключить, что четкая оппозиция твердых и мягких (а также глухих и звонких) согласных, свойственная преимущественно говорам центра, в костромских говорах XVII в., по всей видимости, отсутствовала. На современном этапе мы наблюдаем уже результат перестройки этого сегмента системы и установление межфонемных отношений, свойственных говорам центра.

Здесь нелишним будет напомнить, что ряд примеров (см. выше) показывает, что и вполне константные, как может показаться на первый взгляд, соотносительные пары фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'> не были, вероятно, для XVII в. совершенно устоявшимися.

В первой половине XVII в. в костромских говорах губные и зубные фонемы были представлены в позиции сандхи (внешнего) перед фонемой <и> в своем основном виде (без смягчения), о чем свидетельствует целый ряд обнаруженных примеров. Для губных: *в ываново* ass. sg. 354, 487; *в ыва^Н*-

чю^шкове loc. sg. 795 об., 799, 902; в ыи^гна^{те}во асс. sg. (здесь, а также в ряде последующих примеров можно наблюдать характерное для некоторых писцов отражение произношения, совмещенное со следованием орфографической норме: за написанием, обладающим фонетической значимостью, следует стандартное) 585; в ы^лякове loc. sg. 441. и др.; для зубных: из ыва^нова gen. sg. 694, 705 об., 916; с ыва^но^м instr. sg. 58, 65 об., 120 об. 2х; с ыва^шико^м instr. sg. 646, 647, 665 об., 771 об., 772, 773 об., 777, 810–810 об., 872 об., 889 об.; с ыг^на^шко^м instr. sg. 346 об.; с ыле^шкою instr. sg. 664 об. и др. Что касается заднеязычных, имеется лишь один сомнительный пример: при\|ка^зщик ыва^н 867–867 об. Конечно, единичность такого написания можно объяснить не только отсутствием соответствующего фонетического явления, но и отсутствием подходящего графического образца, то есть малой распространенностью сочетаний типа **кы**. Однако данные говоров, распространенных вблизи рассматриваемой территории в XX в., позволяют предполагать, что заднеязычные в позиции сандхи перед [и] все же смягчались. В тексте № 29 из звучащей хрестоматии [Касаткина 1991: 29] встретилось три интересных примера, которые, возможно, позволят уяснить судьбу заднеязычных согласных в позиции сандхи перед [и] (даются в упрощенной транскрипции): [д^ак^ь и зав^оют], [т^ак^ь и св^атали^ся], [ж^ен^их^ь и выкуп^ат] [Там же: 29].

Как видим, представлены примеры для двух различных по способу образования заднеязычных согласных, которые, хотя и были обнаружены в речи лишь одного информанта, позволяют предположить, что в позиции сандхи перед [и] в костромских говорах и в более ранний период — в первой половине XVII в. — заднеязычные согласные действительно могли либо выступать в смягченном виде, либо крайне непоследовательно сохранять основной вид. Что касается зубных и губных согласных, то их реализация в этот период в основном виде (без смягчения) несомненна, так как материал отказной книги в этом отношении в целом вполне надежен. Для XX в. более точными данными, чем те, которые обнаруживаются в звучащих текстах, мы не располагаем, поскольку в ДАРЯ [1] эта особенность не картографирована.

Рассматриваемым говорам было свойственно позиционное оглушение согласных перед согласными: ьра^шку dat. sg. 769 об.; ьряска nom. sg. 675 об.; лу^шку dat. sg. 774, 831 об., 832 об., 833 об., 839 об., 840 об.; сере^шка nom. sg. 168, 598 об., 739 об., 796, 859 об.; фе^ткою 647 об. 2х; и др. В равной степени характеризовало их и озвончение в данной позиции (впрочем, появившись после падения редуцированных, оно вскоре распространилось на весь русский язык): г дев^яносту г дев^ети 179 об.; ^г дере^вня^м 851 об.; о^ддели^т inf. 724 об., 725 и др. В звучащей хрестоматии [Касаткина 1991: 29] позиционное оглушение тоже зафиксировано.

Оглушение в позиции конца слова в первой половине XVII в. уже также имело место: ме^две^т nom. sg. 902 об.; окла^т асс. sg. 179, попере^к 26, 29 об. 2х, 30, 708 об. и др., — однако следует отметить, что сейчас несколько точнее рассматриваемой территории (за рекой Унжей по реке Ветлуге)

находится значительный ареал сохранения звонкости в конечной позиции. В основном же массиве костромских говоров конечная звонкость в позиции оглушения сохраняется нерегулярно и лишь в отдельных небольших ареалах [ДАРЯ 1: 73].

Что касается ассимиляции согласных по твердости–мягкости, орфографические особенности исследованных памятников деловой письменности, написанных великорусской скорописью (широкое использование выносных букв, особенно согласных перед согласными; редкость написаний с использованием букв редуцированных в середине слова; частое совпадение начерков букв ъ и ь), не позволяют нам сделать каких-либо выводов о ее наличии в костромских говорах в первой половине XVII в.

Ныне регрессивная ассимиляция по мягкости определенно присутствует в говорах на рассматриваемой территории и представлена достаточно широко, в чем можно убедиться, изучив примеры из звучащей хрестоматии [Касаткина 1991: 29].

Среди прочих ассимиляций отметим типичное для современных говоров изменение начального [вн] → [мн], представленное в исследованной отказной книге целым рядом написаний: *мну*^к 832; *мнукими* 789; *мнука*^{ми} 790 об.; *мнуко*^м instr. sg. 789 об.; *мнучаты* instr. pl. 829.

Сейчас изменение [вн] → [мн] в центральном массиве костромских говоров последовательно, значительное число примеров этой фонетической особенности приведено в [Образование... 1970: 302–304].

Что касается диссимилаций, то в рассматриваемых говорах фонема <к> в первой половине XVII в. могла реализоваться посредством [х] перед [к], [п] и [т] и посредством [ч] перед [д]: *х кинешемьскому* 715; *х костро^мскому* 328 об.; *х пре^жне^и* dat. sg. 859; *х пятидеся^{ти}* 447; *вадени^хта* gen. sg. 431 об.; *х тому* 292; *х той* 153, 302 об., 476 об.; *х двѣмasto^м* 37 об.; *х двѣсти* 763 об.; *х девяносту* 763 об. Подобные реализации являются для севернорусских говоров достаточно стандартными, варьируется лишь набор позиций. Однако отмечена и крайне редкая особенность: перед звуком [к] фонема <к> реализовалась в звуке [ф].

[кк] → [фк]: *к волого^тцкому да в костромскому помѣ^стью* 884 об.; *к старому е^с в костро^мскому помѣ^стию* 81; *к старому его в костро^мскому помѣ^стью* 451; *потулову в костро^мскому ево* 400 об.

Ранее подобная диссимилиация была обнаружена также в соседних пошехонских и вологодских говорах XVII в. [Галинская 2008: 158]. Сохраняется она, хотя и в несколько иных позициях, в двух деревнях (Никитино и Хорошее) на северо-западе интересующей нас территории и в XX в. [Бурова 1967: 220].

Подводя итоги, можно заключить, что севернорусские костромские говоры в своем развитии претерпели следующие изменения:

1. На месте старой фонемы <ѐ> в позиции перед мягкими согласными теперь преобладает, везде сосуществуя с [и], звук [е], тогда как реализация [йе] исчезла.

2. Полное оканье сохраняется, однако в районе Чухломы находится обширный акающий остров с генетически южными говорами переселенцев, а ближе к Костроме растет число примеров, где на месте <a> во втором предударном слоге представлен [ъ] либо [ы], а порой даже [о], что свидетельствует о переходе от полного оканья к неполному (владимирско-поволжскому).
 3. В безударных слогах после мягких согласных совпадение гласных неверхнего подъема в звуке [е] (независимо от качества последующего согласного) стало гораздо более регулярным: оно осуществляется не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными.
 4. Протетический и эпентетический [в] вне лексем *восемь* и *вотчина* представлены лишь крайне небольшими ареалами, преобладает отсутствие данного явления, что свидетельствует о сужении его пространства.
 5. Широко распространилось прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных (не только после парных по твердости-мягкости согласных и <ч>, но даже и после <ж>).
 6. Реликтивно мягкие реализации шипящих <ш> и <ж> практически отсутствуют, а немногочисленные имеющиеся примеры обусловлены зависимостью от последующего согласного и/или гласного переднего ряда. Подобной закономерности в примерах, обнаруженных в исследованной отказной книге, не наблюдается.
 7. Полностью утратились реликтивно мягкие реализации фонемы <ц>. В современных костромских говорах обнаруживается лишь последовательная реализация данной фонемы в виде твердого [ц].
 8. Утратилась, по всей видимости, непозиционная мена твердых/мягких и глухих/звонких согласных.
 9. Данных о диссимилации предлога *к* в [ф] перед [к] в современных говорах на территории треугольника Кострома — Солигалич — Кологрив у нас нет. Следует предполагать нивелировку этой особенности.
- Остальные особенности рассматриваемых говоров каких-либо изменений не претерпели:
1. Переход [е] в [о] осуществлялся и осуществляется последовательно во всех позициях.
 2. Изменение [а] в [е] между мягкими согласными крайне непоследовательно и нерегулярно.
 3. В костромских говорах еще до начала XVII в. сформировалась корреляция фонем <в> — <ф> и <в'> — <ф'>, ныне практически не знающая исключений. Каких-либо следов реализации <в> посредством звонкого лабиовелярного аппроксиманта [w] (в современных говорах они опциональны и периферийны) в исследованных документах обнаружено не было. Предлог *ув*, ныне отсутствующий, в первой половине XVII в. если и был представлен, то чрезвычайно непоследовательно.

4. Последовательная реализация фонемы <г> посредством [г] сохраняется в костромских, как и во всем массиве средне- и севернорусских говоров.
5. Долгие твердые шипящие, широко распространенные в современных костромских говорах, возникли уже к началу XVII в.
6. На рассматриваемой территории преобладала и преобладает реализация фонемы <ч> как [ч'].
7. В позиции сандхи перед <и> в первой половине XVII в. (равно как и в XX в.) заднеязычные согласные, по всей видимости, могли и могут либо выступать в смягченном виде, либо же крайне непоследовательно сохранять основной вид, тогда как зубные и губные представлены определенно своим основным видом (без смягчения).
8. Позиционное оглушение согласных перед согласными — давняя неизменная особенность костромских говоров.
9. Оглушение в позиции конца слова в первой половине XVII в. уже имело место, в XX в. сохранение звонкости в данной позиции рассматриваемых говоров представлено лишь окказионально.
10. Типичное для современных говоров на рассматриваемой территории изменение начального [вн] → [мн], последовательное в их центральном массиве, обнаруживается в костромских говорах уже в первой половине XVII в.
11. В XX в. в костромских говорах в различных комбинациях сосуществуют реализации <к> в звуке [х] перед [к], [п] и [т] и их звонкие корреляты. Имеются ареалы, где представлена модель, аналогичная отраженной в исследованных текстах XVII в.: [х] перед [к], [п] и [т]; [χ] перед [д].

Источники

Костр. — Отказные, отдельные, разыскные, отписные, обыскные, межевые и мерные книги поместий, вотчин и пустых земель Костромского уезда 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, 1315 лл.).

Литература

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949.

Бегунц 2006 — И. В. Б е г у н ц. Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Бурова 1967 — Е. Г. Б у р о в а. Диалектные изменения и замены к при сочетании его с последующими взрывными согласными (в предложно-падежных конструкциях) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 211–227.

Васеко 1973 — Е. Ф. Васеко. Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Галинская 1985 — Е. А. Галинская. История формирования говоров Ладого-Тихвинской группы (Фонетика. Фонология). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Галинская 2002 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М.: Издательство Московского университета, 2002.

Галинская 2008 — Е. А. Галинская. Нестандартная реализация предлога «к» в истории русских диалектов // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 154–161.

Горшкова 1947 — К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Язык писем и бумаг Петра Великого // Вестник Московского государственного университета. 1947. № 10. С. 111–118.

Грехова 1964 — Л. П. Грехова. К истории аканья в костромских говорах // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Т. 148. Вып. 10. 1964. С. 499–506.

ДАРЯ 1 — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика. М.: Наука, 1986.

Зализняк 2014 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Зеленин 1913 — Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Б. и., 1913.

Касаткина 1991 — Русские народные говоры: звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Ред. Р. Ф. Касаткина. М.; Бохум: Наука, 1991.

Копосов 1971 — Л. Ф. Копосов. Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Котков 1963 — С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М.: Наука, 1963.

Лопухина 2011 — А. А. Лопухина. Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Образование... 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970.

Фасмер III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987.

Хабургаев 1966 — Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Введение. Вокализм) // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 163. Вып. 12. 1966. С. 271–314.

Хабургаев 1967 — Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Т. 204. Вып. 14. 1967. С. 167–183.

Статья получена 27.12.2019

Vladimir Yu. Shatin

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
vl.shatin@gmail.com

PHONETIC FEATURES OF KOSTROMA DIALECTS IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY AND THEIR FURTHER FATE

The article considers phonetic features of Kostroma dialects of the 17th century and compares them to the present situation in the Kostroma – Soligalich – Kologriv triangle. As the primary source for this research, the Kostroma registry book for the years 1619-1634 was used. Its data were compared with those present in the Dialectological Atlas of the Russian Language. Northern Russian Kostroma dialects have undergone several modifications: reflexes of the phoneme /ê/ in anteposition to palatalized consonants have changed; in the Chukhloma region, there is nowadays an area where genetically southern Russian dialects representing *akanje* are present; there is a much stronger tendency towards neutralization of all unstressed non-high vowels in postposition to palatalized consonants in the sound [e] (regardless of the quality of the following consonant); progressive assimilative palatalization of velar consonants has become common, while relic palatal realizations of hushing phonemes /š/ and /ž/ have become almost extinct, and relic palatal realizations of phoneme /c/ have completely disappeared.

Keywords: Russian business style documents of the 17th century, historical dialectology, historical phonetics of the Russian language, Kostroma dialects, northern Russian dialects

References

- Avanesov, R. I., & Bromlei, S. V. (Eds.). (1986). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka (Tsentral'no-evropeiskoi chasti SSSR)* (Issue 1). Moscow: Nauka.
- Begunts, I. V. (2006). *Foneticheskii stroi belozersko-bezhetskikh govorov pervoi poloviny XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Burova, E. G. (1967). Dialektnye izmeneniia i zameny k pri sochetanii ego s posleduiushchimi vzryvnymi soglasnymi (v predlozhno-padezhnykh konstruktsiiakh). In *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* (pp. 211–227). Moscow: Nauka.
- Galinskaya, E. A. (1985). *Istoriia formirovaniia govorov Ladogo-Tikhvinskoi gruppy (Fonetika. Fonologiya)* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Galinskaya, E. A. (2002). *Istoricheskaiia fonetika russkikh dialektov v lingvo-geograficheskom aspekte*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Galinskaya, E. A. (2008). Nestandartnaia realizatsiia predloga «k» v istorii russkikh dialektov. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(16), 154–161.
- Gorshkova, K. V. (1947). Iz istorii moskovskogo govora v kontse XVII — nachale XVIII veka. Yazyk pisem i bumag Petra Velikogo. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10, 111–118.
- Grekhova, L. P. (1964). K istorii akan'ia v kostromskikh govorakh. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoi*, 148(10), 499–506.
- Kasatkina, R. F. (Ed.). (1991). *Russkie narodnye govory: zvuchashchaia khrestomatiiia* (Part 1). Moscow: Bokhum; Nauka.

Khaburgaev, G. A. (1966). Zametki po istoricheskoi fonetike iuzhnovelikorusskogo narechiia (Vvedenie. Vokalizm). *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*, 163(12), 271–314.

Khaburgaev, G. A. (1967). Zametki po istoricheskoi fonetike iuzhnovelikorusskogo narechiia (Konsonantizm). *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta im. N. K. Krupskoi*, 204(14), 167–183.

Koposov, L. F. (1971). *Vologodskie govory XVI–XVII vv. po dannym mestnoi delovoi pis'mennosti: Fonetika i morfologiya* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Kotkov, S. I. (1963). *Iuzhnovelikorusskoe narechie v XVII stoletii: fonetika i morfologiya*. Moscow: Nauka.

Lopukhina, A. A. (2011). *Fonetika kholmogorskogo i shenkurskogo dialektov XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Orlova, V. G. (Ed.). (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov (po materialam lingvisticheskoi geografii)*. Moscow: Nauka.

Vaseko, E. F. (1973). *Fonologicheskaya sistema moskovskogo govora pervoi poloviny XVI v. po pamiatnikam delovoi pis'mennosti* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Zaliznyak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zelenin, D. K. (1913). *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smiagcheniem zadneneznykh soglasnykh v svyazi s techeniiami pozdneishei velikorusskoi kolonizatsii*. St Petersburg: [s.n.].

Received on December 27, 2019